

Лингвокультурологическая интерпретация процесса понимания текста

© Р.К. Боженкова¹, А.М. Боженкова²

¹ МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

² Московский государственный лингвистический университет,
Москва, 119034, Россия

Предлагается многоуровневый и общесистемный подход к проблеме понимания письменного и устного текста как единого коммуникативно-когнитивного пространства, опирающийся на лингвокультурологическую теорию и достижения смежных с ней наук.

Ключевые слова: функциональная природа понимания, когнитивные поля, активный субъект, реконструкция, новые смыслы.

Феномен «понимание» неразрывно связан с тонкостями речевого общения, его национально-культурной природой и организацией, что обращает внимание на одну из глобальнейших проблем современной теории и практики — проблему взаимообусловленности языка и культуры, которая является предметом изучения такой научной отрасли, как лингвокультурология.

Человеческое речевое общение представляет собой коммуникативно-когнитивное единство: мы говорим и пишем, чтобы нас поняли, а слушаем и читаем, чтобы понять других. При этом успех коммуникации обеспечивается не только точностью используемых индивидом для передачи своей мысли языковых средств, но и способностью и возможностью его собеседника/читателя проникнуть в вербализованную мысль, так как выбор говорящим/пишущим средств выражения, наиболее соответствующих, с его точки зрения, содержанию высказывания, не гарантирует адекватности понимания слушающим/читающим этого текста¹.

Поскольку текст, как речевое произведение, является, с одной стороны, средством обмена прямой, буквальная, эксплицитно выраженной информацией, а с другой — продуктом речемыслительной де-

¹ Мы исходим из того, что текст в самом широком смысле есть «целостное речевое произведение» [1], поэтому представляется целесообразным рассматривать процесс понимания не только классического, письменного текста, но и текста «коммуникативного» [2], устного.

тельности в результате одновременных коммуникативных и когнитивных усилий индивида, то для осмысления данного текста реципиент должен уметь производить необходимые речевые действия и когнитивные вычисления [3, с. 56]. Соответственно, результативность общения зависит как от того, насколько точно человек воспользуется языковыми средствами для выражения своей мысли, так и от того, насколько глубоко — через языковое выражение — другой сможет проникнуть в эту мысль. Тем самым эффективная коммуникация сводится в конечном счете к умению организовывать не только рече-производство, но и речепонимание.

Такая «пресуппозиция» постановки проблемы сегодня в условиях возрастающего накопления и обмена информацией, необходимости ее оперативной обработки представляется чрезвычайно важной, так как грамотно построенный и управляемый процесс коммуникации становится социально значимым, демонстрирующим понимание основ общения и человеческой культуры².

В последние десятилетия вопрос о «понимании вообще» становится предметом исследования философов, психологов, историков, этнологов, программистов, физиков, математиков, педагогов³. Особую остроту проблема понимания приобрела в науке, целью которой является создание систем искусственного интеллекта и применение их в научных исследованиях⁴. Вместе с тем в области языкознания герменевтический аспект коммуникации изучен слабо, так как традиционно понимание здесь не рассматривалось как особое речевое дей-

² Востребованность в современном обществе эффективной коммуникации очевидна, в связи с чем в последние годы наблюдается устойчивое возрастание внимания к обучению речевому общению, пониманию текста учащихся разных категорий. Это объясняется необходимостью для специалиста, помимо владения своей профессией, быть коммуникабельным, уметь представить тот или иной коммерческий проект, уметь общаться, убеждать, прогнозировать поведение партнера, поэтому способность ясно выражать свои мысли, понимать текст, речь партнера по коммуникации является ныне чуть ли не самым важным условием успешной деятельности специалиста.

³ См. работы Алефиренко Н.Ф., Анашкина И.А., Апресяна Ю.Д., Белнапа Н.Д., Белянина В.П., Брудного А.А., Брутяна Г.А., Верещагина Е.М., Воробьева В.В., Гаспарова Б.М., Гейзенберга В., Гешвинда Н., Горского В.С., Дорофеева Л.В., Золотовой Г.А., Ивина А.А., Ионина Л.Г., Караулова Ю.Н. Костомарова В.Г., Красных В.В., Крысина Л.П., Лекторского В.С., Леонтьевой Н.Н., Лихачева Д.С., Лотмана Ю.М., Мартемьянова Ю.С., Мейзерского В.М., Мельникова Г.П., Мельчука И.А., Новикова А.И., Нормана Б.Ю., Павилениса Р.И., Перцовой Н.Н., Прохорова Ю.Е., Тульчинского Г.А., Шаклеина В.М., Шрейдера Ю.А. и др.

⁴ См. работы Бирюкова Б.В., Вейценбаума Д.Ж., Дебрени И.М., Жолковского А.К., Звегинцева В.А., Иванова Вяч. Вс., Крымского С.Б., Левицкого В.Л., Назаретяна А.П., Нариньяни А.Ф., Штерна И.Б. и др.

ствие, напротив, в этом вопросе долгое время исходили из установки, что оно не более чем смысловое восприятие высказывания, а значит, понимание и производство речи есть зеркально симметричные процедуры.

Перспективы для анализа открылись, когда понимание стало осознаваться в качестве комплексной проблемы, имеющей свои философские, социально-психологические, социально-культурные, историко-научные, лингвистические аспекты. В целом в науке наметилось несколько подходов к исследованию изучаемых нами явлений: как к процессу (процессам); как к умению (умениям); как к деятельности. Определение данных исследовательских сфер феномена понимания не означает, однако, привязанности какой-либо конкретной сферы к конкретной науке: реализация означенных направлений возможна в рамках разных наук.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет научный подход, получивший название «деятельностно-коммуникативного» [4, 5], согласно которому коммуникация, понимание текста, собственно, речь рассматриваются как активная деятельность субъекта с видимым результатом, что соотносится с основными принципами отечественной психологии в разработке личностно-деятельностного направления, а также с использованием достижений психологии в лингвистике⁵. При этом наиболее перспективным направлением представляется рассмотрение проблемы на лингвокультурологической платформе.

В настоящей работе понимание текста, коммуникация, речь рассматриваются лишь в относительной автономности друг от друга, как виды речевой деятельности, где понимание прочитанного и сказанного является внутренней стороной этой деятельности.

Трудность адекватного понимания текста/речи (и его научного осмысления) заключается в том, что это совокупность сложных психологических процессов и психофизических действий динамического характера, имеющих в своей основе разноуровневый анализ (на базе ранее накопленных знаний), решение мыслительных задач, выявление закономерностей и последовательностей, запоминание: коммуникация, речь, чтение текста требуют способности переноса знания правил, экономных приемов и способов обработки информации на новый материал [6,7]. Помимо того, сложность проблемы понимания

⁵ См. работы Бехтеревой Н.П., Богина Г.И., Бодалева А.А., Бодунова А.А., Брудного А.А., Брунера Дж., Брутяна Г.А., Веди́на Ю.П., Выготского Л.С., Гальперина И.Р., Демьянкова В.З., Дридзе Т.М., Дубровского Д.И., Жинкина Н.И., Зинченко В.П., Иванова В.П., Канцельсона С.Д., Кедровского А.И., Киселевой Л.А., Клауса Г., Колшанского Г.В., Крымского С.Б., Левицкого В.Л., Леонтьева А.А., Лурии А.Р., Марковой А.К., Соковнина В.Н., Тарасова Е.Ф., Хомского Н., Чуприковой Н.И., Щедровицкого Г.П., Щербы Л.В., Юдина Э.Г. и др.

текста/речи состоит в том, что не существует его (понимания) единой модели: оно здесь реализуется в многообразии личностных особенностей. Тем не менее нами были выявлены некоторые базисные механизмы комплексного понимания текста/речи, его функциональной природы.

Вопрос о сущности и функциях понимания как объекта изучения в различных науках имеет неоднозначное и даже разноречивое толкование.

Многие ученые термин «понимание» рассматривают как исходный феномен мышления. Именно в понимании выражается участие мышления в регуляции деятельности. «Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять» [8, с. 289] — эта формула аксиоматична.

Способность понимать окружающий мир, других людей и самого себя составляет необходимое условие реализации сущностных сил человека как родового существа. Понять — значит обрести знание. Такое знание, которое соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным, превращает разрозненное в систему. Но к этому сущность понимания не сводится: система, в которую включается новое знание, функциональна, действенна. Это система, ориентированная на применение знания [9]. Иначе говоря, понимание выступает как приобретение знания и обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность человека в соответствии с требованиями практики.

Суммируя множественные дефиниции, можно сказать, что понимание — это многоуровневый познавательный процесс, направленный на выявление значения и смысла предмета в процессе коммуникации. Его механизмы связаны с аналитико-синтетической деятельностью сознания, причем доминирующую роль играет акт синтеза смысла, подготовленный предшествующим анализом.

Данные общенаучные посылки естественным образом организуют «канву» лингвокультурологической интерпретации процесса понимания текста/речи, «субстратом» которой является выделение трех основных функций понимания: когнитивной, или собственно познавательной, регуляторной и идеологической.

Когнитивная функция понимания заключается в том, чтобы обрести определенное знание о языке и тексте и применить его; в результате такого понимания знание становится частью внутреннего мира человека и влияет на его дальнейшую практическую деятельность.

Человек деятелен в силу того, что является существом социальным, и в этом качестве он способен предвидеть вероятные последствия своих действий. Реализация возможностей, сбалансированная с ответственностью за их осуществление, обусловлена регуляторной функцией понимания, которая ставит деятельность в зависимость от

социально возможных ее результатов. Эту регуляторную функцию понимание выполняет превосходно, заметны лишь отклонения от необходимого оптимума.

С регуляторной функцией понимания непосредственно связан и локус контроля, то есть склонность индивида считать ответственным за важнейшие события своей жизни себя (интернальный локус) или же других людей и сложившиеся обстоятельства (экстернальный локус).

Идеи, овладев людьми, превращаются в материальную силу развития, однако идеи вне языкового их выражения не существуют, не могут обрести мощь вне понимания их людьми. Необходимое условие реализации идей — деятельностное понимание. Необходимое, но недостаточное: идея находит материальное воплощение в деятельности людей, которые осознали ее (идеи) связь со своими действительными интересами. Осознание же этой связи лежит в основе формирования убеждений; понимание порождает убеждения. Такова его идеологическая функция.

Актуализация рассмотренных функций происходит в трех автономных когнитивных полях. В первом поле непосредственно и фрагментарно представлены природные условия и социальные ситуации, в которых существует и действует индивид. Во втором — развертывается последовательность доказательных суждений, в третьем — реализуются повествовательные последовательности.

Первое когнитивное поле является неким пространством, включающим ощущения (в широком смысле) субъекта, его представления об окружающей действительности: что человек чувствует, видит, то считает существующим в реальности. В абсолютном большинстве случаев доверие к сигналам органов чувств оправданно, хотя нередки ситуации, в которых индивид, увидев маловероятные или явно невероятные вещи, не склонен оценивать их как иллюзии смыслового восприятия. Естественно, что при этой исходной посылке безупречная логическая связность последующих суждений не приводит к истинным выводам.

Второе когнитивное поле доказательных суждений исторически содержит свой набор формализуемых познавательных средств, здесь доминирует установка на логическое постижение истины. Специфика понимания в нем отражена в разнообразных текстах и связана с тем, что не все логически доказательное обязательно существует на самом деле. Несмотря на то что те или иные тексты этого поля по необходимости отвлечены от реальной действительности, они по сути своей ориентированы на понимание действительного мира [10]. Более того, самые абстрактные рассуждения именно потому и обретают смысл, что могут найти приложение к действительно существующим предметам реального мира. При этом суть предмета состоит именно и

только в том, без чего суждение о нем теряет смысл⁶. Так, суть физических объектов заключена в их действительном существовании. Для того чтобы физическая теория или гипотеза имела смысл, она должна предполагать существование соответствующих объектов. Суть феноменов лингвокультуры состоит в том, что они имеют значение для людей; утеряв по какой-либо причине значение, они утрачивают прежний статус, сохраняя физическое существование.

В лингвокультуре овеществляются отношения между людьми, и овеществление это семиотично. В крайнем и самом ярком выражении — это вещь, выставленная в музее: там она знак самой себя. Формой лингвокультурного значения служит ценность⁷.

Понимание в третьем поле ориентировано на эстетические оценки событий и поступков. Именно в этой области с наибольшей полнотой реализует свои возможности естественный язык. Третье поле понимания состоит не из изолированных значений, а из их сложных переплетений — текстов.

Третье когнитивное поле сформировалось за исторически долгий срок, и суть свою его феномены обрели тоже не сразу. Первоначально это были мифы, воспринимаемые сегодня как вымысел. Однако миф возник и существовал среди тех и для тех, кто понимал его как реальность⁸. Тексты мифов, взятые вне социально-исторического контекста, производят впечатление художественных рассказов и только. Вместе с тем эти же тексты предстают в совершенно ином свете, как только мы начинаем знакомиться с ними сквозь призму социальной организации человеческого общества. На ранних стадиях становления производственно-социальных отношений миф выполняет важные социальные и мировоззренческие функции, связанные с категориями индивидуализации и обобщения и определяющие духовное развитие человека, его ценностно-нравственные ориентиры [13].

⁶ Еще Аристотель выделил то качество вещей, которое он называл сутью их бытия [11, с. 112], предполагая, что суть терминологически несколько отлична от сущности.

⁷ Известен, например, список Лорана: «Бог, Родина, знания, долг, дружба, нежность, жизнь, надежда» [12, с. 123]. Это ценности, которым не место за музейным стеклом, они должны жить в сознании, и приходят они в сознание не только из личного опыта, но и из повествовательных текстов — исторических, фольклорных и художественно-литературных.

⁸ Мифы слагались в «детстве» человечества: таков был в ту эпоху способ понимания действительности. Причем в текст, в эту «ткань», были непосредственно вплетены люди — участники обрядов, в которых, возможно, и создавался миф; быть может, составной частью мифа были и изображения, которые ныне сохранились на скалах и стенах пещер. Мифы переходили буквально из уст в уста, общение было в дописьменную эпоху единственной формой их социального существования.

С древнейших времен человек в процессе общения осознает свою индивидуальность, личность, обретает самое себя. Индивид сам становится зеркалом для других людей. Они отражаются в его сознании, населяют его, субъективно реальные даже в случае своего физического отсутствия⁹. Мифы, отличающиеся удивительной живостью действующих лиц, населяли внутренний мир личности, составляли важный компонент ее индивидуального сознания, но и являли собой нечто большее, связанное с сущностной стороной соучастия человека в духовной жизни общества.

Естественноисторический процесс закономерно привел к тому, что миф утратил прежние социальные функции и сошел с авансцены духовной жизни общества. Но значит ли это, что рассказ утратил свое действительное могущество? Лучший ответ на этот вопрос — то исключительное по значению место, которое художественная литература занимает в системе лингвокультуры. И в индивидуальном сознании носителя лингвокультуры отражены не только окружающие его люди, там присутствуют и Фауст, и Макбет, и Печорин. При этом, по самой сути своей, они не принадлежат ни миру действительному, ни миру повествовательному. «Дело в том, что литература населяет мир героями не менее живыми, чем живые люди» [14, с. 200]¹⁰.

В третьем поле понимание происходит по принципу: что рассказано, то и было, и принцип этот успешно реализуется в жизни. Отнюдь не случайно тексты, составляющие предмет и основу религиозной веры, ничего не доказывают, а только повествуют. В них убеждает связная последовательность поступков и событий, а не силлогистическая конструкция, логика же предметного мира временно отступает на задний план [15]. Мир чувств, переживаний, мыслей, ощущений, события и дела человека — это и есть предмет третьего поля понимания, тогда как научная достоверность изображаемых событий и их временная последовательность вторичны¹¹.

⁹ Так, родные и близкие люди, с которыми человека связывает общая судьба, прочно входят в его внутренний мир.

¹⁰ Известно, что доктор Фауст — лицо историческое. Мы не знаем иного Фауста. Фауст, о котором написано у Гете, — это не исторический доктор Фауст, который преподавал в Ингольштадтском университете. Их прямое отождествление просто лишило бы смысла суждения о «Фаусте» как литературном произведении.

¹¹ В одном из педагогических опытов испытуемые студенты слушали и читали повествовательный текст, в содержании которого были нарушены элементарные правила физики. Студенты этого не замечали. Они говорили о мыслях и поступках людей, о том, естественны они или неестественны, хорошо это или

Важным условием понимания текста служит дифференциация его содержания и смысла¹². Традиционно утверждается, что, когда человек понимает содержание документа, имеющего определенный смысл, он одновременно усваивает его смысл. По отношению к текстам первого и второго поля это правильно. Совсем по-иному обстоит дело в третьем поле с повествованиями об исторических событиях или с произведениями художественной литературы: здесь адресатом может создаваться собственный концепт¹³. Читатель привносит в классические произведения новые смыслы в соответствии с контекстом своей эпохи и по-новому оценивает и произведение, и самого автора¹⁴.

Таким образом, для глубинного понимания текста существенны все три поля: первое когнитивное поле дополняют доказательное и повествовательное поля. В одном поле господствует обращение к действительному миру. В другом — логическое следование и анализ описанных поступков и событий. В третьем — их эмоциональная оценка. Важно, что их связность определяется не исходным набором аксиом и даже не временной последовательностью, а иной образующей силой — эмоционально-смысловой. При этом само понимание

плохо, честно или нет. Их высказывания касались содержания и смысла текста, отображающего деятельность людей, их мысли, чувства, судьбы.

¹² Это условие учитывает прикладная педагогика, которая издавна включает басни в круг обязательного детского чтения, так как они «учат понимать» самым непосредственным образом: в них, говоря языком герменевтики, объявлен концепт, то есть кратко сформулирован общий смысл содержания. Содержание здесь условно, речь идет чаще всего о животных, но смысл относится именно к людям. Дети это понимают хорошо. Смысл, естественно, имеется и в тех текстах, где он не объявлен, где он складывается в голове читателя «сам», и это процесс, достойный самого пристального внимания любого преподавателя языка.

¹³ С целью научных наблюдений студентам читался текст с объявленным концептом (одна из новелл К. Чапека). Затем учащиеся в соответствии с установкой очень подробно рассказывали содержание. Выяснилось, что они запомнили и то, что не понимали. Так, ни один студент точно не знал, кто такой «шорник», и почти никто о шорнике не забыл. Но в тексте был дан общий смысл этого слова, сформулированный более или менее кратко и очень точно. Его слушатели почти никогда не называли, они озвучивали тот смысл, который приходил в голову им самим, — собственный концепт, а не «настоящий», объявленный в тексте, который по условиям эксперимента им нужно было воспроизвести. Весьма любопытны эксперименты с повествованиями об исторических событиях. Здесь концепты не объявлялись и студенты предлагали свои. Вариантов очень много, но все они свидетельствуют о том, что студентам-нефилологам свойственно искать в истории смысл, не только видеть в ней цепь закономерно взаимосвязанных событий, но и извлекать из них урок.

¹⁴ О том, что каждая эпоха, каждое новое поколение открывает в великих произведениях прошлого всегда что-то новое, говорил в свое время еще В.Г. Белинский [16, с. 351].

оказывается моментом коммуникативно-познавательного процесса, который, со своей стороны, включен в формы социокультурной деятельности [17].

Реализация лингвокультурологических позиций обнаруживает свое герменевтическое содержание и в вопросах речевой коммуникации: в процессах передачи (кодирования) речи и ее приема (декодирования), а также и в речевом произведении (коммуникативном тексте) — продукте речевой деятельности [10, 17].

Любой акт человеческого общения происходит в определенных культурных условиях, так как человек «вплетен» в этнокультурные жизненные обстоятельства, которые являются предпосылкой самого речевого взаимодействия и реализуются в нем. В речевых структурах передается информация о каких-то предметах, событиях, явлениях окружающего мира, тем самым речь (коммуникативный текст) оказывается своеобразной знаковой моделью тех или иных «кусочков» жизни. Вступая в коммуникацию, мы не только сообщаем ту или иную информацию, но вольно или невольно передаем наше отношение к действительности, к окружающим нас людям. Причем каждый из нас в процессе общения имеет свои мотивационные, языковые, общекультурные, этнические особенности, связанные с духовным опытом, с теми ценностно-личностными установками, которые формируются в определенной культурной среде, конкретных культурных условиях и закладываются в нашем сознании представление о том, как следует пользоваться языком, чтобы быть понятым и понимать другого, достичь в процессе общения наилучшего коммуникативного эффекта. Поэтому наряду со «смыслом языкового выражения», то есть «чистой» семантикой, в нашей речи существуют привнесенные «извне» смысловые дополнения, которые в зависимости от конкретной речевой ситуации могут содержать самые разные аспекты: культурный, этический, социальный, мотивационный и т. д. — и передавать состояние, желание, эмоции, знания, убеждения и др. Следовательно, усвоение языка — это не только обретение посредством кодирования/декодирования тех смыслов, которые стоят за языковыми знаками-словами, но и обретение способности социальной коммуникации — сближения индивидуального духовного опыта и субъективной системы знаний с «картиной мира» языкового сообщества, национальной системой ценностей, разделяемой членами данного сообщества и отвечающей их экзистенциальным (физическим, духовным, технологическим, этическим, эстетическим и др.) потребностям посредством общего кода — языка.

Как уже отмечалось, речепонимание, как и речепроизводство, связано с функционированием мышления и сознания — процессами, в значительной степени скрытыми от наблюдателя. Внешнее его про-

явление в виде звучания ответных текстов (устных или письменных) и коммуникативных действий (вербальных, поведенческих) маскирует внутреннюю деятельность адресата, которая по своим целям и содержанию не просто продолжает процесс порождения речи, но является активным ответным действием. Понимание текста/речи — это реконструкция, то есть выявление и воссоздание заложенного автором в своем речевом продукте смысла. Более того, понимание так же, как и речепорождение, носит творческий характер.

Поскольку текст имеет знаковую природу и компоненты его связаны правилами кода, в процессе понимания языковое сознание адресата разделяет текст на составляющие его элементы — значащие отрезки — и переводит их в иную систему семантических кодовых образов, которые определяются его (адресата) этноментальными/индивидуальными особенностями и другими экстралингвистическими факторами. При этом речевое понимание не сводится к суммированию языковых значений. Кодовый образ текста, возникающий в результате его восприятия адресатом, не тождествен первоначальному, авторскому. Реконструируя текст, реципиент соотносит его с ситуацией общения и своими фоновыми знаниями, которые опираются на его прошлый опыт, извлеченный из памяти, и зависят от его ценностно-целевых установок и субъективных оценок предмета общения и/или собеседника. В результате такой духовно-практической деятельности смысл текста (текстовый семантический образ) насыщается и конкретизируется.

Завершается формирование целостного смыслового образа текста процедурой интерпретации — мысленного обобщения понятого, которое реализуется в форме словесного ответа, действия, жеста, мимики и т. д. и является целостным толкованием понятого. Адекватное ответное речевое действие (вербальное/невербальное) выступает показателем адекватности понимания, и следовательно, успешности речевого акта.

Таким образом, понимание предстает многоуровневой познавательной творческой деятельностью адресата как активного субъекта, осуществляющего в своем сознании воспроизводство текста (произведения), в процессе реконструкции которого рождаются новые (добавочные) смысловые компоненты. Преобразованный текст представляет собой некий синтез объективно-истинного знания и субъективной значимости предмета для каждого конкретного индивида. В свою очередь, понимание как творческий процесс, достраивающий и наполняющий, обогащающий первоначальный смысл авторского текста новыми смыслами, становится моделью созидания, а сам результат понимания оказывается новым фактом лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Солганик Г.Я. *От слова к тексту*. Москва, 1993.
- [2] Арутюнова Н.Д. *Речевой акт. Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцевой В.Н., ред. Москва, 1990.
- [3] Шахнарович А.М., Голод В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности. *Вопросы языкознания*, 1986, № 2.
- [4] Леонтьев А.А. *Язык, речь, речевая деятельность*. Москва, 1969.
- [5] Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва, 1975.
- [6] Лотман Ю.М. Мозг — Текст — Культура — Искусственный интеллект. *Семиотика и информатика*, 1981, Вып. 17.
- [7] *Semiotik, ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur*. Hrsg. von R. Posner, K. Robering, T.A. Sebeok. Bd. 1–4. Berlin, New York, 1997–2004.
- [8] Рубинштейн С.Л. *О мышлении и путях его исследования*. Москва, 1954.
- [9] Bransford J.D., McCarroll N.S. A Sketch of Cognitive Approach to Comprehension, *Some Thoughts about Understanding what it Means to Comprehend. Cognition and Symbolic Processes*. New Jersey, 1974.
- [10] Боженкова Н.А. *Логико-синтаксические механизмы кодирования возможных культурных смыслов в тексте*, Монография. Курск, 2005.
- [11] Лосев А.Ф. *История античной эстетики*. Москва, 1975.
- [12] Lauren J. Lees betties. P., 1971.
- [13] Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград, 1964.
- [14] Каверин В. *Письменный стол*. Ленинград, 1985.
- [15] Боженкова Р.К., Атанова Д.В. Конститутивные признаки религиозного дискурса (на материале православного вероучения). *Известия ЮЗГУ. Сер. «Лингвистика и педагогика»*. № 1. Курск, 2013, с. 3–8.
- [16] Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. Москва, 1979.
- [17] Боженкова Р.К. *Понимание текста как лингвокультурологическая категория*, Монография. Курск, 2000.
- [18] Библер В.С. *Мышление как творчество*. Москва, 1975.

Статья поступила в редакцию 05.07.2013

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Лингвокультурологическая интерпретация процесса понимания текста. *Гуманитарный вестник*, 2013, вып. 2 (4).

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/38.html>

Боженкова Раиса Константиновна — д-р филол. наук, профессор кафедры «Русский язык» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Автор более 280 научных работ в области коммуникологии, фонетики, семантики, дискурса, социолнгвистики, методики преподавания русского языка как родного и как иностранного. e-mail: rkbozhenkova@mail.ru

Боженкова Александра Михайловна — студентка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета. Автор 7 научных работ в области стилистики и дискурса.